велась деятельная переписка. «Comme éditeur du „Собеседник“ recevant toutes les pièces tant bonnes que mauvaises, — писала Е. Р. Дашкова Екатерине, — je dois aussi, Madame, joindre ici une pièce qui, adressée à l'Auteur des „Были и небылицы“, m'est parvenue dans ce moment: on la dit être du comte Romantzoff, mais il m'en a fait un secret et je ne l'ai sçut que par briccole, je supplie votre majesté de me dire, si elle doit être imprimée».[63]

На эти строки Екатерина ответила следующее: «Возвращаю вам письмо к автору „Былей и небылиц“, которое, конечно, может быть напечатано, но только не так — замечаете вы, чтобы названный автор («Былей и небылиц», — *Л. К.*) рассорился с Лебедем, поющим лебединую песнь. Мимоходом сказать, об имени этого автора я никогда не сомневалась. Посылаемый мною черновой листок должен иметь поэтому преимущество в журнале перед одою-исповедью друга Лебедя, в силу чего автор „Былей и небылиц“ может объявить, что тем кончаются все дальнейшие споры об этом предмете».[64]

П. П. Пекарский, первый уделивший внимание этой переписке, считал, что смысл письма Екатерины Дашковой «остается непонятным».

Прежде всего следует обратить внимание, что в письме речь идет только о двух лицах — об авторе «Былей и небылиц», т. е. самой Екатерине, и Лебеде — Румянцеве. Никакого третьего лица «друга Лебедя» не существует. Появилось же оно благодаря неправильному переводу П. П. Пекарского. В английском тексте «Записок» Е. Р. Дашковой («Записки» впервые вышли в Лондоне) читаем: «Of my friend the Swan».[65] В немецком тексте, которым пользовался П. П. Пекарский, речь идет об оде «моего друга Лебедя» (meines Freundes des Schwans).[66] То же самое наглядно видно во французском переводе, где имеется следующий оборот: «Sur l'ode suprême de mon ami le Cygne» [67] т. е. опять-таки «моего друга Лебедя».

Следовательно, строка в переводе П. П. Пекарского «перед одою-исповедью друга лебедя» должна быть исправлена следующим образом: «перед одою-исповедью моего друга Лебедя», т. е. Румянцева, о котором Екатерина пишет в явно ироническом тоне. Из точного контекста письма Екатерины никак не явствует также,

---

[63] Перевод: «Являясь издателем „Собеседника“, получающим как хорошие, так и плохие статьи, я должна, сударыня, присоединить сюда статью, адресованную автору „Былей и небылиц“, которая только что получена мною. Говорят, что она написана графом Румянцевым, но он это от меня скрыл, и я узнала это лишь с помощью обмана; умоляю ваше величество сказать мне, надо ли печатать (эту статью)» (П. Пекарский. Материалы для истории журнальной деятельности Екатерины II, стр. 75).

[64] Memoiren der Fürstin Daschkoff, Teil I. Hamburg, 1857, стр. 337, 338; П. Пекарский, ук. соч., стр. 30, прим. 2.

[65] Memoirs of the Princess Daschkow, vol. II. London, 1840, стр. 99.

[66] Memoiren der Fürstin Daschkoff, Theil 1, стр. 337—338.

[67] Mémoires de la princesse Daschkoff, vol. III. Paris, 1859, стр. 133—134.